

Е. В. МУЗА и Д. В. СЕЗЕМАН

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЯ I О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

В Государственный музей А. С. Пушкина в Москве сотрудником Министерства иностранных дел СССР Михаилом Петровичем Соколовым были недавно переданы фотокопии писем Николая I к его сестрам за границу, содержащие упоминания о Пушкине.

Будучи в 1948 г. в Веймаре, М. П. Соколов посетил Тюрингский государственный архив, являвшийся до 1946 г. частным владением великогерцогского дома в Веймаре. Целью посещения архива были розыски материалов, связанных с Пушкиным. В этой работе вместе с М. П. Соколовым приняли деятельное участие профессор Флак и другие специалисты — работники архива. В результате двухнедельных поисков в архиве были обнаружены три письма, в которых говорится о смерти Пушкина:

1. Письмо Николая I к сестре Анне Павловне, супруге принца Вильгельма Оранского, от 3 (15) февраля 1837 года.

2. Письмо Николая I к сестре Марии Павловне, великой герцогине Саксен-Веймарской, от 4 (16) февраля 1837 года.

3. Ответное письмо Марии Павловны Николаю I от 22 февраля (6 марта) 1837 года.

Второе и третье письма (в отрывках) публикуются здесь впервые.

Письмо Николая к Анне Павловне известно; его французский текст был полностью опубликован еще в 1916 году П. Е. Щеголевым в исследовании «Дуэль и смерть Пушкина»; перевод был сделан лишь для отрывка, связанного с Пушкиным. В последующих двух изданиях своей книги (1917 и 1918 гг.) Щеголев поместил лишь русский текст, не повторяя французского оригинала. Вот этот отрывок:

«Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этих днях пишу ему, мне надо много сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни весьма известного Пушкина, поэта; но это не терпит любопытства почты».

Одно место в переводе Щеголева нуждается в уточнении; выражение «*trop célèbre* Пушкин» переведено им как «весьма известный Пушкин» в 1-м и 2-м изданиях и «знаменитый» — в 3-м издании. Здесь не передан иронический, пренебрежительный оттенок, вносимый словом «*trop*» (весьма, слишком) и передающийся в русском языке словом «пресловутый». Это значительно изменяет общий смысл высказывания Николая, выдавая за внешне беспристрастным тоном откровенную неприязнь.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в письме к Анне Павловне в Голландию, удерживаемый, возможно, соображениями дипломатического порядка, Николай лишь сообщает о смерти Пушкина, никак не комментируя события и не называя даже причины гибели поэта, не приводя вообще никаких подробностей. Тем интереснее написанное на другой день и бывшее до сих пор неизвестным письмо Николая в Германию, к Марии Павловне, в котором он крайне небрежно, как бы между прочим, сообщает о смерти Пушкина:

«...Je n'ai rien de fort curieux à te dire d'ici. L'événement du jour est la mort tragique du trop fameux Pouchkin, tué en duel par un quelqu'un qui a eu le tort au nombre de beaucoup d'autres de trouver la femme de Pouchkin fort belle sans qu'elle aye été le moins du monde coupable.

«Pouchkin n'a pas été de cet avis et a insulté son adversaire d'une manière tellement indigne qu'aucune autre issue à l'affaire n'était possible. Au moins est-il mort en chrétien. Cette affaire a fait

grand tapage, et comme les hommes sont toujours des hommes, vérité que tu ne disputeras pas; réflexion des plus profondes; or donc, l'on a déraisonné tant et plus; et j'ai écouté, chose qui profite à ceux qui savent écouter. Voilà le seul événement remarquable».

Перевод: Здесь нет ничего такого любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого (*trop fameux*) Пушкина, убитого на дуэли неким, чья вина была в том, что он, в числе многих других, находил жену Пушкина прекрасной, притом что она не была решительно ни в чем виновата.

Пушкин был другого мнения и оскорбил своего противника столь недостойным образом, что никакой иной исход дела был невозможен. По крайней мере он умер христианином. Эта история наделала много шума, а так как люди всегда люди, истина, с которой ты не будешь спорить, размышление весьма глубокое, то болтали много; а я слушал — занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать. Вот единственное примечательное происшествие.

Интересно, что в этом письме Николай употребляет еще более резкое выражение в адрес Пушкина «*trop fameux*» — «пресловутый, печальной известности», что подтверждает и наше прочтение выражения «*trop célèbre*» в первом письме.

Стремление объяснить дуэль семейной драмой и «дурным характером» поэта отчетливо видно как в письме Николая, так и в ответном письме Марии Павловны:

«...Ce que tu m'as mandé de l'affaire Pouschkin m'a bien affecté: — Voilà une déplorable fin de vie, et pour la femme innocente la plus horrible destinée qui se puisse rencontrer: il a toujours passé pour avoir un caractère peu recommandable à côté de son beau talent...».

Перевод: То, что ты мне сообщил о деле Пушкина, меня очень огорчило: вот достойный сожаления конец, а для невинной женщины ужаснейшая судьба, какую только можно встретить. Он всегда слыл за человека с характером мало достойным наряду с его прекрасным талантом...

Знаменательно, что в письме Николая к Марии Павловне содержится как бы программа изложения событий, официальная версия. Прежде всего он указывает, что событию этому не следует придавать слишком большого значения: «Здесь нет ничего любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить». Далее, точно определяет, в чем «вина» убийцы, — в том, что он, как и многие другие, находил жену Пушкина прекрасной; в этих словах фактически содержится полное оправдание Дантеса, даже не названного по имени. Не забывает Николай указать и «истинного» виновника дуэли, это — подозрительный и ревнивый Пушкин, который вел себя «недостойным образом». Финал трагедии относительно «благополучен», ибо Пушкин умер христианином. Такова царская точка зрения, которую желательно было утвердить и за пределами России. Однако Николай, очевидно, опасается, что за границу могут попасть и иные сведения, иное освещение событий. «Болтали много, — предупреждает он Марию Павловну, — а я слушал...».

О том, что Николай «слушал» внимательно, известно достаточно широко. Самые жесткие меры, принятые николаевской жандармерией и цензурой в первые же часы после гибели Пушкина, опечатание бумаг поэта, тайный увоз тела, выговоры журналам за помещение некрологов, наконец, расправа с Лермонтовым, — вот что стоит за циничными словами «я слушал — занятие, идущее впрок тому, кто умеет слушать».

Публикуемые письма являются первыми и чрезвычайно выразительными документальными свидетельствами об отношении царя к Пушкину; до сих пор мы располагали лишь отзывами современников.

Письма, обнаруженные М. П. Соколовым, показывают, что в иностранных архивах, и в частности в немецких, могут быть найдены и другие материалы о Пушкине. Было бы крайне желательно, чтобы Общество советско-германской дружбы первым взяло на себя с этой целью организацию детального обследования архивных фондов, находящихся за границей.